

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 47

1966

Максим ТАНК

ЧТОБ ДОЙТИ
ДО СКАЗКИ...

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

Максим ТАНК

ЧТОБ ДОЙТИ ДО СКАЗКИ...

ЛИРИКА

*Перевел с белорусского
Григорий Куренев*

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1966

Максим ТАНК

Белорусский поэт Максим Танк (Евгений Иванович Скурко) родился в 1912 году в деревне Пильковщине, Молодечненской области.

В юности принимал активное участие в подпольном революционном движении в Западной Белоруссии, неоднократно арестовывался. Печататься начал в нелегальном журнале «Пролом».

В годы Великой Отечественной войны был на фронте, участвовал в партизанском движении.

Максим Танк — автор многих книг стихов и поэм, лауреат Государственной премии.

---

*   *

*

Растут на родимой земле
великаны деревья.
У каждого дерева
тысячи шумных веток,
каждая ветка —
зеленый луч,
каждый луч —
это тысячи звонких жалеек.
Из каждой жалейки,
когда заиграешь,
то жаворонки вылетают,
то чибисы,
то соловьи.
О, не рубите
деревьев певучих,
если любите
песни свои!

*   *

*

Так захотелось мне
поговорить с сосной,
подругой давнею,
   почти сестрой!
Она в своей зеленой пышной кроне
колышет звезды,
   и пичуг укроет,
и тенью
корабельного ствола
век отмеряет
жителям села.

Но ни в одной из книжек телефонных
я не нашел
сестры своей зеленой.
И не нашел я в книжках номеров,
чтоб позвонить
ветрам полей,
                                боров,
садам цветущим,
                                облакам косматым,
наднарочанским зорям
                                и закатам,
хоть столько номеров
встречалось мне,
век без которых
жил бы на земле.

*   *
          *

Когда листопадной порою
к теплу улетают птицы,
они оставляют в дубравах
свои весенние песни,
чтоб не потерять их случайно
в пасмурном небе чужбины.

Поэтому кроны деревьев
всегда осторожно качают
осиротевшие гнезда,
где, как в колыбелях,
                                тихо
спят отзвучавшие песни:
все свисты,
все пересвисты,
все звоны,
все перезвоны,
все стуки,
все перестуки,
все гуды,
все перегуды —
все переборы
                        бора.

* *
*

Ты уберегла нас, земля.
Прости же, что после боя
не смог тебе песню пропеть:
мой голос охрип от крика;
и не угостил сухарем:
его бы сам черт не разгрыз;
и не поделился из фляжки водой:
раненные умирали от жажды;
и цветов тебе не принес:
они превратились в пепел...
Остался на бруствере только букет
из проволоки колючей.

* *
*

Израненного партизана
дружки принесли,
а сами
ушли по тропам лесным.
Он в хате родной ночует,
уже не слышит,
не чувствует,
как мать голосит над ним:
«Ой, доброй ночи,
той ночи,
что уж не ночь, сыночек,
а что навек!...»
А бой
грохочет над бором,
слезами падают зори
на красный снег.

СЕЛО МОЕ

Село мое небольшое,
но это вовсе не значит,
что через него
можно быстро пройти.

Случись вам остановиться
ненадолго у колодца,
чтоб жажду свою утолить,
узнать покороче дорогу,

вас долго еще не отпустят
пытливые односельчане мои,
пока обо всем не расспросят:
Кто вы?

Откуда?

Что слышно в местности вашей?
Какой урожай доспевает?
Бывают ли часто дожди?
Сколько сыграли свадеб?
А после начнут гадать,
какой вам пойти дорогой:
мостками

или напрямик,
тропинкой грибной
или трактом.

Поэтому,
если спешите,
советую вам идти
не улицей,
а загуменьем.
Там часто бывает топко,
зато
никого не встретишь,
разве что аиста.

А я,
хоть и времени нету,
сегодня еще раз
по улице этой пройду.

*   *

*

Когда зацветают речные излуки,
на Нарочь приходит пора сенокоса,
гудеть начинают и плечи и руки,
все чаще мне снятся

звенящие косы

А после
и гостей покликать можно,
хоть их,
пока такой кисель сготовишь,
придет немало —
                    званных
                    и незванных.

КОРОНА

Она что-то шила и шила,
покуда не выпал наперсток.
(В последние дни почему-то
он стал выпадать раз по сто.)

Я наклонился поднять его,
да был он горячим, как уголь,
от частых ночей бессонных,
от непосильной натуги,

он был весь в уколах иголок,
что ранили старые пальцы,
когда обшивала детей своих,
когда вышивала на пальцах,

когда партизанскую куртку
латала,

                    пробитую пулей...
Я поднял тебе наперсток,
а ты отдохни,
                    матуля.

Хоть он неприметен с виду,
а мне показался
                    державной
короной,
что у матули
горит на ладони шершавой.

ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

Что ж это гости вроде примолкли?
Или от пляски до нитки промокли,
или вина не хватает доброго,
со сковородок шкварка подобрана,
а на тарелках мало колбас,
иль пирогом обделили вас?
Три дня и три ночи
шел гул и звон,
покуда гостей
не осилил сон.
Кто спит на лавке,
кто под столом,
кто вместе с чаркой,
а кто с ковшом.

Солнце
и то никак не встает,
хотя голландский петух поет.
Петух,
что один сумел уцелеть,
от поварихи забившись в клеть.

ОН ЗАРАБОТАЛ ХЛЕБ...

В далеком детстве,
помогая взрослым,
услышать так хотелось мне
от матери с отцом,
что, как и все,
я заработал хлеб.

И было радостно тогда,
присев к столу,
ломоть взять в руки,
в соль макнуть картошку
и ложкой зачерпнуть ботвинью.

И вкусным было все —
и слово
и молчанье.

Как много пройдено
с тех пор дорог!
Есть где-то дерево —
я посадил его,
костер есть где-то —
я его затеплил,
есть где-то песня —
я друзьям оставил.

Но все равно,
за все, что сделал я
и что еще мне сделать доведется,
я большей похвалы не знаю,
чем эта,
    слышанная в детстве:
— Он заработал хлеб...

* * *

Поначалу старался я
мысль свою приукрасить,
словно дикарь,
побрякушками,
бисером,
позументами,—
старым и обветшалым,
отжившим свой век реквизитом.
Словно закату и травам
нужны фабричные краски,
словно грому нужны
литавры и барабаны!
Жаль мне сегодня времени,
растрченного впустую.

Нынче стараюсь забыть
образы каменного века,
в котором родился;
слова бронзового века,
в котором крестился;
богов железного века,
с которыми спорил я не однажды,
чтобы в наш век
межпланетных полетов

строке дать
строгую форму ракеты
и вывести без ошибок на трассу —
к сердцу.

СТРЕЛКИ ЧАСОВ

Стрелки часов —
ножницы
неутомимого портного,
который день и ночь
кроит время
и шьет из него мне одежду.
Каких он за век
не скорил мне чудесных нарядов!

**Была у меня сермяга пастуха,
пропахшая молоком,
                травой,
песней берестяного рожка.**

Была у меня свитка пахаря,
просоленная по́том,
ветрами,
дождями,
пылью земли.

Был у меня и тюремный халат,
расшитый тенью решетки.

Была у меня гимнастерка солдата,
овевшая дымом пожарищ,
дыханьем истории.
А сколько было маскарадных костюмов:
Ромео,
Дон-Кихота,
Фауста,—
пестрых и ярких.
Жаль, что ни одного
из этих костюмов
не удалось износить до конца!

Вот и теперь на мне
обыкновенная блуза,

блуза разведчика грядущего,
грузчика человеческих надежд.

Ее еще мог бы носить
лет, пожалуй, полсотни.
А стрелки часов
мне кроют уже новое что-то.

Я давно собираюсь,
только времени нет, чтоб спросить
своего портного:
почему он одежду мне шьет
год от году
из более темного
материала?

МОЛЧАНИЕ ДЖУНГЛЕЙ

Я —
джунгли.
Люблю я детей своих,
клювастых,
когтистых,
клыкастых.
Люблю и хозяев этой земли —
смуглых и работающих.
И ненавижу пришельцев:
они разорили гнезда и норы,
принесли моим детям горе.

Вот идут они,
вооруженные смертью,
идут,
продираясь через лианы.
Пусть идут.
Пусть стреляют в меня,
я стоном не выдам,
что перед ними
засада.
Пусть пытаются огнем,
я не признаюсь,
что их ожидают,
притаившись,
дети мои.

не могли век сломить его,
горько плакал последний цыганский король
от величия своего.

* * *

Огонь развели мы погреться.
Он лижет настывший валежник,
который то дымом,
то треском
рассказывает о себе мне.

Один сук
был треном глухарки,
другой
был гнездом соловьи,
а третий —
качелями белки.
А корень
ольховой ногой был,
другой —
черевичком березы,
а третий —
клюкою еловой.

Один ствол
повержен был бурей,
другой —
покорен снарядом,
а третий —
людьми покалечен.

Друзья мои спят,
а я долго
еще буду слушать,   покуда
не перегорят головешки,
а с ними —
и звезды
и память,
и космы ночного тумана
не станут рассветной золою.

ПИАЛА

Мне пиалу на память дал товарищ,
Он из нее пил радость
и печаль,
арзу крутую
и калмыцкий чай,
полярный ветер,
отблески пожарищ.
Я рад ее сегодня накренить —
та пиала
наполнена до края
солдатской дружбой,
синевою мая
и перезвоном солнечных криниц.
А то, что есть в ней горечи немного,
так и ее
разделим пополам,
чтоб не казалось тяжелой пиала
для одного
и легкой для другого.

ЦВЕТ СНЕГА

Ничего более разноцветного,
чем взвихренный снег,
я не знаю.

Каким он был синим,
когда замерзал я
в нетопленной хате,
а то и вовсе бездомным!

Каким он был розовым,
когда я сдувал его с плеч
той, что несла мне
нежданное счастье!

Каким был багровым,
когда заметал
след прощанья
с отчизной!

Каким он был черным,
когда осыпался
на бруствер окопа.

Каким был искристым,
когда мне дети
приносили его в подарок!

Так до сих пор и не знаю.
какой цвет у снега
истинный.

*   *
     *   *

Казалось,
на всю жизнь хватит
у меня
расплачиваться:
за добро
      — добром,
за забвение
      — памятью,
за равнодушие
      — теплотой,
за жестокость
      — лаской.

Но вчера,
когда захотел
за ночлег заплатить,
в кармане нашел
только горький смех —
монету,
которую и сам не любил,
и, вручая ее,
прошу извиненья у каждого.

*   *
     *   *

После разных поэм и виршей,
модернистских в степени высшей,
в честь которых со всех колоколен
и звонят и осанну глаголят;

после заплесневелых цитаток
из проеденных молю трактатов
так приятно читать на приволье,
на искристом, заснеженном поле
стих,
оттиснутый лапой куницы,
беляка,
горностая,
лисицы,
или вовсе уж стих немудреный,
отпечатанный лапой вороны.

ИНСТРУКЦИЯ

Словцо «завещанье»
давно устарело.
Оно отдает
метафизикой прелой.
«Инструкцией»
я его заменяю —
словечком и бодрым
и популярным.
Итак, дорогие друзья,
объявляю
я волю свою вам.
В тот день календарный,
когда отличать
хлеб от камня не буду,
неправду —
от правды,
слона —
от барана,
бутылки с вином —
от порожней посуды,
творца настоящего —
от графомана,
без гроба меня,
без речей схороните,
а тес
мастерам для цимбал сохраните.
И плугом
иль, может, лопатою старой
могилу сровняйте
с землею предвечной,

чтоб кто-нибудь
памятника не поставил
иль загородкой ее не калечил.
Сожгите стихи,
чтоб дотошный зануда
о них диссертации не намусолил.
А коль суждено им,
то жить они будут
и так
на моем белорусском подзоле.
Вот только на шлях мой,
травой перевитый,
сыпнуть не забудьте
хоть горсточку
жита!

* *
*

Поэзия!
Я тебя знаю,
проказница-молодица
из моего поселка,
ты часто задорно кричала,
меня
заманив в малинник:
— А ну,
догоняй скорее!

Немного сентиментальная,
как женщины, те,
что любят
детей
и поэтому вечно
беременными ходят.

Вот и сегодня
сидишь под снопами жита
и грудью своей загорелой
кормишь младенца,
который
поймать
пытается солнце.

Никто из нас толком не знает,
куда ты пойдешь на закате,
где ждет тебя сон и отдых.
Хоть я и подозреваю,
что где-то живешь ты рядом,
между полюсами сердца —
молчаньем моим
и криком.

*   *

*

В ореоле волос твоих
сны ночуют мои беспокойные,
а в глазах твоих
отражаются
все мои зори;
на губах твоих
отогреваются
все улыбки мои,
а в ладони твои
все тропинки мои
стекаются...

Как же
в век революций,
восстаний
и мятежей
удержала ты
единовластие!

*   *

*

Так где ж нам с тобой встречаться?
Может,
в Москве,
где Крымского моста смычок
сонаты наигрывает влюбленным?

Или
в Лазенках,
где белые лебеди отдыхают
и просят белочки озорные,
чтоб их покормили?

Может быть,
у фонтана Треви,
где люди бросают монеты
с надеждой
                                вернуться вновь
за молодостью?

Может,
на Елисейских полях
или на площади Согласия?
Какое прекрасное слово:
                                «Согласие!»

Жаль, что часто,
                                как ты,
с опозданием приходит.
Просто смешно,
что столько чудеснейших мест
предлагаю тебе,
словно при встрече
я,
                        кроме глаз твоих,
смогу хоть еще что-нибудь заметить!..

*   *
          *

Свалился б камень с плеч,
когда б я знал,
                                что можешь
прийти в мой дом
не только днем погожим,
но и в ненастье грозное тоже,
когда дожди все
в ливень соберутся,
когда все тени
в ночь одну сольются,
когда все беды
с привязей сорвутся!

*   *

*

Спокойно весны своей могут
дождаться деревья
и горы,
пролегшие в поле дороги,
извечные небо
и море.

А мне,
чтоб дожидаться счастья,
никто лишних дней не отмерит.
Поэтому я так часто
стучусь на заре в твои двери.

СКУЛЬПТУРА

Я ждал тебя
и трижды обошел
отбитую грозой глыбу мрамора,
пока в ней не увидел образ твой.

Хотел я дотянуться до него,
но мне мешали острые края,
и я их начал молотом крушить.

Хотел тебя, как некогда, обнять,
но ощутил неровности плеча,
тогда я стал поглаживать его,
чтобы стереть мельчайшие песчинки.

Ты сердишься.
Сама ведь виновата,
что долго так
ко мне не приходила,

Теперь
мне даже тень твою
разбить не жаль.

* *
*

Из амфоры этой давно
сок виноградный выпили гости.
Спьяну
потом разбили ее,
а Пенелопа
вымела все черепки
за порог.

Чудом
один уцелел,
а на нем —
тень музыканта
с пастушьей свирелью.
И сквозь века
слышится нам «Одиссея».

* *
*

Не назначай свиданий в зоопарке:
твою Мечту
какой-то Крокодил
там может запросто перехватить,
пообещав ей
пирамиду счастья,
небесный шарфик Ганга,
корону лотоса.

При мне
вчера лишь
Слон
без очереди
хоботом длиннющим
достал с витрины для моей подружки
заморских пару туфель
и два билета на футбольный матч.

Забили, видно, гол.
Я даже дома слышу,
как он,
задравши хобот,
трубит на стадионе.

Как плохо стоять под дождем
начинающему поэту,
когда каждая капля
сечет и сечет.
Известный поэт
носит шарф или зонт,
маститый —
может зайти в ресторан,
лауреат в эту пору
спит дома.
А классик
не чувствует ничего:
он давно уже
бронзовый.

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Закон земного притяженья
мы ощущали,
когда падали яблоки,
когда падали мы,
захмелевши от счастья,
в душистые травы,
когда падали
под пулеметным огнем.

Но, уже отправляясь в космос,
убедились мы в том,
что закон этот надо дополнить
притяженьем:
    ракит над рекой,
    шума дождя,
    запаха свежего хлеба,
    эха песни,
    тепла рук друзей,
наконец, притяженьем огня,
что затеплен в той хате,
где еще до сих пор
слышен скрип колыбели твоей.

Вот поэтому
этот закон
так же вывести трудно,
как и квадратуру счастья.

*   *
*

О, как просто идти,
ощущая матери руки,
ощущая локоть любимой,
ощущая юности крылья.

И как трудно плестись,
опираясь ладонью
на ветхий
посох воспоминаний.

*   *
*

Когда б я забыл
твоей песни звук,
заботу и ласку,
тепло твоих рук,
обманчивой
чьей-то красой увлечен,—
ты вправе считать,
что я мертв,
чтоб не смог,
как блудный сын,
шагнуть за порог
крова,
где нет мне
прощенья ни в чем.

*   *
*

Идя на свиданье,
захватите все зори,
идя на смотрины —
с медом баклагу,
на свадьбу собравшись —
цимбалы и песни,
на крестины —
погремушку в подарок на счастье.

Только свет покидая,
ничего не берите,—
даже ключ от дверей
передайте соседу.

*   *
*

Сад отряхнул давным-давно
ранеты и антоновки,
росу,
и шорохи листвы,
и пересуды птичьи,
но все равно
в пустом саду
еще остался для меня
деревьев обнаженных шум
и легкий
    босоногий след
далекой юности моей.
А ведь это
не так уж много.

Еще остался
посвист пуль,
стук тяжких,
                    кованых сапог,
звон заступа
и тишина
на перекличке
                    в час победы.
А ведь это
не так уж мало.

*   *
*

Порог,
вытесанный из воспоминаний,
остался за мной;
двери
на петлях песни сверчка
остались за мной;
крыша,
крытая крыльями ласточек,
осталась за мной...

Как же не оглянуться назад,
если б даже застыл я
соляным столбом?

ВЕСНА

Первой проснулась вёрба —
нечесаная девчонка,
почувствовав, как верховодка
щекочет ей ноги,
верховодка,
молниями освещенная,
оглушенная
громом круторогим.
Раскрыла глаза свои —
котики серые,
и увидела жаворонков,
звонящих над берегом.
Захотела с новостью этой
бежать к белоствольным березам,
к подружкам своим рябинам,
дремлющим по откосам.
Но пока расчесала косу
льдиной —
хрустальным гребнем,
пока накрывала плечи
платком тумана серебряным,—
поднялась верховодка
по колени,
по пояс.
Только что и успела
подать подружкам голос:
— Весна!

ЖЕЛАЮ ВАМ

Желаю вам
вовсе не писать
своим родным.

А если письма надо посылать,
то отправлять их
полевой дорогой:
с полевым ветром,
с полевым рассветом,
с полевым жаворонком,
с полевым эхом...

Только не полевой почтой,
которая их часто возвращает
с пометкой безразличной на конверте:
«На этом свете
адресат не найден».

* *
*

Никому не говорите,
какая из песен выткана
из пряжи неба,
пряжи травы,
пряжи крови,
пряжи солнца
и пряжи мечты.

А то и ее могут сжечь,
как слущкий пояс,
чтоб выплавить
жалкий грамм золота.

СТРАЖ ПАСЕКИ

Чтоб до меда не добрался
лакомка лесной, косматый,
дед когда-то сделал улей,
на лесовика похожий:
из суков два острых рога
вытесал замысловато;
очи —
впадины гнилые —
окулярами украсил;
нос широкий
(мог бы в ноздри
табаку втянуть пригоршню)

так наморщен был,
как будто
он в тот миг чихнуть собрался;
рот оскаленный,
клыкастый
с деснами из яра воска
обрамлен был бородой,
на которой утром пчелы
вместе с солнцем танцевали...
Сколько этот улей дедов
вырастил роев гудящих,
сколько меда собирал он
с полевых цветов душистых!
Угощали этим медом
на семейных годовщинах,
отгоняли горечь жажды,
приправляли сок березы,
подслащали партизанский
черствый хлеб
и думы-песни.

Нынче,
службу отслуживши,
лесовик рогатый — улей
караулит только пчельник,
только памятью бывшего
щедро делится со мною.
И воспоминанья пахнут
медом яблонь,
снегом гречки,
вереска лазурью теплой...

* *
*

Ах, зачем я у бабушки с детства
не учился ее чародейству!

Не приметил, какою водою
окропляла она все лихое;
чем окуривала она стены,
отгоняя мрачные тени;

где рвала она травы дремучие,
чтоб бессонные ночи не мучили;

что прикладывали ее руки
от смертельных укусов гадюки

и какой отделяла чертою
свет от нечисти с ницетою...

Может, все это к лучшему, что ли:
ведь, не зная ни горя, ни боли,

жар и лед не познавшая сроду,
что б сказала ты, песня, народу?

* *
*

Чтоб дойти до сказки,
надо распрощаться
с дорогами езжеными,
с дорожками хожеными,
с дороженьками грибными
и ягодными...

А довериться
стежкам:
ужиным и ежиковым,
заячьим и лосиным,
улиткиным и муравьиным...
И довериться
пенькам осиновым,
огонькам светоянским,
очам совиным,
слезам живицы,
что и в сумраке теплятся...
И довериться
травам некошеным,
голосам нетревоженным,
шорохам неразгаданным...
И довериться
зелени наизеленейшей,
темени наитемнейшей,
тишине наитишайшей —
в тишине такой
даже сердца стук
громом кажется.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Растут на родимой земле...»	3
«Так захотелось мне поговорить с сосной...»	3
«Когда листопадной порою...»	4
«Ты уберегла нас, земля...»	5
«Израненного партизана...»	5
Село мое	5
«Когда зацветают речные излуки...»	6
Овсяный кисель	7
Корона	8
После свадьбы	9
Он заработал хлеб...	9
«Поначалу старался я...»	10
Стрелки часов	11
Молчание джунглей	12
Стеклянный человек	13
Дума короля	13
«Огонь развели мы погреться...»	15
Пиала	16
Цвет снега	16
«Казалось, на всю жизнь хватит...»	17
«После разных поэм и виршей...»	17
Инструкция	18
«Поэзия! Я тебя знаю...»	19
«В ореоле волос твоих...»	20
«Так где ж нам с тобой встречаться?...»	20
«Свалился б камень с плеч...»	21
«Спокойно весны своей могут...»	22
Скульптура	22
«Из амфоры этой давно...»	23
«Не назначай свиданий в зоопарке...»	23
«Как плохо стоять под дождем...»	24
Земное притяжение	24
«О, как просто идти...»	25
«Когда б я забыл...»	25

«Идя на свиданье...»	25
«Сад отряхнул давным-давно...»	26
«Порог, вытесанный из воспоминаний...»	26
Весна	27
Желаю вам	28
«Никому не говорите...»	28
Страж пасеки	28
«Ах, зачем я у бабушки с детства...»	29
«Чтоб дойти до сказки..»	30

Максим Танк
ЧТОБ ДОЙТИ ДО СКАЗКИ...

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

А 10775. Подписано к печати 21/XII 1966 г. Формат бум. 70×108^{1/32}.
 Объем 1,0 физ. печ. лист. 1,40 условн. печ. лист. Тираж 116 400.
 Изд. № 2333. Заказ № 3142. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
 Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

**ГОССТРАХ
ЗАКЛЮЧАЕТ С ГРАЖДАНАМИ ДОГОВОРЫ
ДОБРОВОЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ СТРОЕНИЙ,
ДОМАШНЕГО ИМУЩЕСТВА
И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖИВОТНЫХ**

Добровольное страхование строений и сельскохозяйственных животных проводится дополнительно к обязательному окладному страхованию. При этом общая страховая сумма по обязательному окладному и добровольному страхованию может составить до 80 % стоимости строений и животных.

● ДОМАШНЕЕ ИМУЩЕСТВО может быть застраховано по добровольному страхованию в размере его стоимости по государственным розничным ценам.

● ПО ДОГОВОРАМ СТРАХОВАНИЯ Госстрах возмещает ущерб в случае гибели или повреждения строений и домашнего имущества от пожара, наводнения и других стихийных бедствий, а по страхованию животных при гибели их от болезней, несчастных случаев и вынужденного убоя.

● Для более подробного ознакомления с условиями страхования и заключения договоров обращайтесь в инспекцию Госстраха. Инспекция Госстраха имеется в каждом районе.

Агента Госстраха можно вызвать на дом
или к месту работы.

**ГРАЖДАНЕ, ЗАКЛЮЧАЙТЕ И СВОЕВРЕМЕННО
ВОЗОБНОВЛЯЙТЕ ДОГОВОРЫ ДОБРОВОЛЬНОГО
СТРАХОВАНИЯ.**

Главное управление государственного
страхования РСФСР.